

Л. Л. Ермакова

Тема научно-квалификационной работы звучит как «Вячеслав Иванов – переводчик и интерпретатор древнегреческой трагедии».

Вячеславу Ивановичу Иванову (1866–1949), поэту и теоретику символизма, принадлежит перевод с древнегреческого на русский язык шести трагедий Эсхила, из которых четыре переведены им полностью («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды» и «Персы»), а две не до конца («Просительницы», «Семеро против Фив»). Кроме того, он опубликовал ряд теоретических и историко-философских работ, посвященных древнегреческой трагедии и религии Диониса, с которой он связывал происхождение трагедии, а также две драмы, написанные по мотивам древнегреческих мифов («Прометей» и «Тантал»).

В последнее десятилетие вырос интерес исследователей к переводам Иванова с древнегреческого и к его взглядам на древнегреческую трагедию. Так, например, театральной теории Иванова и его идеям о происхождении трагедии посвящены статьи М. Цимборска-Лебоды, Л. Д. Зубарева, Г. А. Степановой и др. О переводах трагедий Эсхила Ивановым писали Н. Н. Казанский, Н. В. Котрелев, Я. М. Боровский, Я. Л. Забудская, И. Н. Фридман.

Научная новизна настоящей работы обусловлена тем, что до сих пор число исследований, рассматривающих перевод Эсхила, выполненный Ивановым, с привлечением его теоретических и историко-философских статей, весьма незначительно. Прежде всего, следует назвать статьи Я. Л. Забудской, которая, в частности, отмечает, что «логическим комментарием к его переводам Эсхила становятся статьи о трагедии и Дионисе».¹ Приходится

---

¹ Забудская Я. Л. Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов — творчество и судьба : К 135-летию со дня рождения: [Материалы конф., 25-27 мая 2000 г.]. М.: Наука, 2002. С. 141.

также констатировать отсутствие исследований о традиции перевода древнегреческой трагедии в России, в частности, трагедий Эсхила, общего характера.

Цель работы — изучить переводы Иванова из Эсхила, рассматривая их в контексте его взглядов на древнегреческую трагедию и религию Диониса.

Задачи, решению которых посвящены отдельные главы нашего исследования, можно объединить в две группы. *Первый круг задач* связан с изучением истории создания перевода и выявлением наиболее авторитетных источников текста перевода. Решению этих задач посвящена первая глава исследования – «История работы Иванова над переводами Эсхила», которая содержит три подраздела: «История перевода и источники текста», «Издания греческого текста трагедий Эсхила в библиотеке Иванова» и «Издания переводов Эсхила». Основные итоги и выводы, сделанные в этой главе:

- на основании анализа рукописей и авторизованных машинописей были определены наиболее полные авторитетные рукописи, содержащие окончательную авторскую правку, причем не все из них были учтены в последнем издании переводов Иванова из Эсхила (1989 г.)²;
- при переводе Иванов обращался к разным изданиям греческого текста, тем не менее, можно выделить те, на которые он преимущественно ориентировался. Так, «Агамемнона», «Плакальщиц», «Эвменид» и «Семерых против Фив» он переводил, ориентируясь на издание Г. Вайля (1884).³ Остальные трагедии, то есть «Персы» и «Просительницы» переведены по изданию Г. Германна (1852–1853).⁴ Кроме того,

---

² Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подготовили Н. И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М.: Наука, 1989.

³ Aeschyli tragoediae / Rec. H. Weil. Lipsiae: Teubner, 1884.

⁴ Aeschyli tragoediae / Rec. G. Hermann. Lipsiae: Weidmann, 1852–1853.

определенное значение для его перевода имел и перевод У. Виламовица-Меллендорфа на немецкий язык (1901)⁵;

- первое полное издание ивановских переводов из Эсхила вышло в 1989 г., а до этого в печати появлялись фрагменты, полный же текст «Орестей» в издании 1950 г. был сильно изменен редактором.⁶ Несмотря на важное значение издания 1989 года, назрела необходимость в новом, тщательно выверенном издании переводов, в котором будут учтены не рассмотренные ранее источники текста, а принципы его подачи будут детально аргументированы.

Второй круг задач включает анализ переводческих стратегий Иванова на примере перевода отдельных древнегреческих понятий и реалий. Так, во второй главе работы рассматривается символика двойного топора (лабриса) в переводе «Орестей» Иванова в контексте его идей о происхождении трагедии и делается следующий вывод:

- к тому времени, как Иванов начал переводить Эсхила, он уже сформулировал свои основные идеи о происхождении трагедии и ее связи с религией Диониса в «Эллинской религии страдающего бога» (1904). Работая над переводом, он одновременно продолжал разрабатывать концепцию дионисизма, результатом чего стал ряд статей и монография «Дионис и прадионисийство» (1923). В трагедиях Эсхила он искал подтверждение своих тезисов, поэтому при переводе делал акцент на тех реалиях и понятиях, символика которых была особенно значима для его концепции. Так, лабрис, то есть двойной топор, присутствующий в литературной и живописной традиции об убийстве Агамемнона, но не называемый Эсхилом в «Орестее», постоянно

---

⁵ Griechische Tragoedien / Übersetz. U. von Wilamowitz-Moellendorff Bd. 2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901.

⁶ Греческая трагедия: Эсхил, Софокл, Эврипид / Ред. и комм. Ф. А. Петровского. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 50–200.

фигурирует в переводе Иванова. Для него он был важен как атрибут жрицы прадиионисийского божества и орудие убийства этого божества, роль которого в обряде жертвоприношения играл человек, а позже — животное. Образ Клитемнестры в интерпретации Иванова оказывается также связан с тем культом, из которого возникла трагедия: Клитемнестра выступает в его переводе «Орестей» как жрица двойного топора, убивающая жертву-быка (с которым сравнивается Агамемнон).

В третьей главе анализируется понятие «грех» в ивановском переводе трагедий Эсхила. В начале главы приводится сравнительная таблица частотности употребления лексических единиц «грех», «грешный», «грешить» и префиксальных глаголов с тем же корнем в нескольких поэтических переводах Эсхила разного времени, а именно: в двух переводах Н. П. Котелова (1864, 1883), переводе Иванова, в переводе «Агамемнона» С. И. Радцига (1913), А. И. Пиотровского (1937) и С. К. Апта (1978). Таблица наглядно демонстрирует, что больше всего этих лексических единиц в переводе Иванова. Далее в главе подробно рассматриваются те греческие понятия, которые Иванов переводит одинаково как «грех», среди них: ἀμαρτία, ὑβρις, ἄτη, μίαιμα, μύθος, ἄγος, δυσσέβεια, κακά, βλάβη, παρβασία, μάτα, φόβος и др. — при этом приводятся переводы тех же стихов другими переводчиками. Рассматриваются также те места, где в греческом тексте и вовсе отсутствуют понятия, которым бы соответствовали лексические единицы с корнем «грех-/греш-» в переводе Иванова. Затем анализируется тезис Иванова «всё грех, что действие» в связи с его представлениями о сущности трагедии на материале его поэтических текстов, а также предисловия к «Прометею» и работы «Дионис и прадиионисийство». Вывод, к которому мы приходим в этой главе:

- стремление Иванова переводить разные греческие понятия словом «грех» можно объяснить некой общей тенденцией, наблюдаемой также в переводах его современников (в частности, Мережковского, Анненского, Зелинского и Радцига). Но с другой стороны, такая

особенность его переводческой стратегии может быть связана также со стремлением намеренно акцентировать внимание на значении «греха» в развитии трагического сюжета в подтверждение своего тезиса о тождестве между действием и грехом и антиномического понимания действия.

В четвертой главе анализируется лексико-семантическая группа «судьба», включающая следующие лексические единицы: «судьба», «судьбина», «рок», «роковой», «доля», «участь», «удел». Так же, как и в третьей главе приводится сравнительная таблица частотного распределения указанных лексических единиц в разных переводах. В переводе Иванова представлены все рассматриваемые лексические единицы, но наибольшая частотность у слов «рок» и «роковой». Далее подробно разбирается значение тех греческих понятий, которые Иванов передает при помощи лексических единиц лексико-семантической группы «судьба». На основании сопоставления перевода и греческого текста, мы пришли к следующему выводу:

- в переводе Иванова нет какого-либо принципа точного соотношения между теми или иными древнегреческими и русскими лексическими единицами рассматриваемой лексико-семантической группы. Так, например, μοῖρα он передает как «судьба», «рок», «участь». В свою очередь, русские слова в его переводе могут передавать совершенно разные древнегреческие понятия и больше всего приходится на существительные «судьба»/«судьбина» и «рок»: «судьба» и «судьбина» — μοῖρα, μόρσιμον, τύχη, δαίμων, ἀνάγκη, συμφορά, βίωτος; «рок» — μοῖρα, μόρσιμον, μόρος, αἴσα, τύχη, ἄτη, δαίμων, θέμις, ἀνάγκη, συμφορά, λάχος, λαγχάνω; «доля» — τύχη, αἴσα, λαγχάνω; «участь» — μοῖρα, αἴσα; «удел» — τύχη (ἀνάγκη), μόρος, λάχος, λαγχάνω.

Методология исследования. Очерченный круг задач потребовал различных методов для их решения. Для решения задач, связанных с историей текста, был применен метод текстологического анализа рукописей, а также сопоставительный анализ изданий текста. Для решения задач второй группы актуальны общепринятые и традиционные методы филологического анализа и критики текста, включая сравнительно-сопоставительный анализ, а при рассмотрении лексико-семантических групп был применен также количественно-статистический и лексико-стилистический анализ.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что его основные положения могут быть использованы при подготовке нового издания переводов трагедий Эсхила, для дальнейшего исследования переводческих стратегий Иванова, его собственных литературных драм и изучения русской традиции перевода древнегреческой трагедии в диахронии.

Дальнейшие перспективы и пути изучения перевода нам видятся в анализе переводческих стратегий Иванова при передаче на русский язык двусоставных эпитетов, аллитерации, игры слов, метрики трагедий, в исследовании его ремарок, а также в более детальном сопоставлении разных переводов Эсхила на русский язык.

